

МУРЗИЛКА

ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ

РОДИНЕ ОКТАБРЯ— 70 лет!

Странички из буквара.

© Мурилла, 1987 г.

*Дорогой октябрёнок!
Перед тобой плакаты
о первых годах
Советской власти.
Каждый плакат —
страничка
нашей истории.
Рассмотри их
внимательно!*

**Великий Октябрь
до основания потряс
весь старый мир
и утвердил
впервые в истории
государство
Свободного Труда —
Страну Советов.**

Красноармейская звёздочка.

Къ Гражданамъ Россіи.

Временное Правительство изложило. Государственная власть перешла въ руки органа Петроградскаго Совета Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, Военно-Революціоннаго Комитета, стоящаго во главѣ Петроградскаго пролетариата и гарнизона.

Для, за которуе были приняты, немедленные предложения демократическаго мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочей контроль надъ производствомъ, свободное Совѣтскаго Правительства — это было означено.

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІЯ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТЪ И КРЕСТЬЯНЪ!

Иллюстрация: Революціонный Комитетъ при Петроградскомъ Советѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Рис. Д. ХАЙКИНА

В ПЕРВЫЕ ДНИ ОКТАБРЯ

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

Первые дни Октябрьской революции. Петроград в волнении. Все чего-то ждут. Смольный кипит народом...

Здесь, в Смольном, расположился главный штаб большевиков: Военно-революционный комитет. Тут же находился и Владимир Ильич. Он приветливо здоровался с проходящими, расспрашивал их обо всех событиях дня и больше всего о том, что делается там, у Зимнего дворца и на подступах к нему.

Весть о том, что Владимир Ильич в Смольном, быстро разнеслась среди большевиков. Многие хотели его видеть и приходили сюда. В комнату стали заглядывать и посторонние. Особенно в неё стремились попасть корреспонденты различных газет, в том числе и иностранных. Они, очевидно, заметили, что именно сюда идёт много народу, что здесь действует руководящий центр восстания.

Необходимо было ввести надёжную охрану.

В одной из комнат Смольного расположилось более пятисот вооружённых рабочих. Это были красногвардейцы. Для охраны решено было отобрать из них человек семьдесят пять.

Молодой, лет тридцати, красавец рабочий, с вьющимися из-под шапки кудрями, спокойно отдаёт чёткую команду:

— Стройся!

Мгновенно все на местах. Тишина: ни шороха, ни звука. У дверей замерли часовые. Командир сообщает, что нужно семьдесят пять человек, готовых на всё, даже на смерть.

Весь отряд сделал шаг вперёд и замер. Командир отобрал людей, назначил начальника и двух человек на смену ему.

— В случае чего... — хмуро заметил он и умолк.

Сейчас же заготовили пропуска. Пропуск № 1 выдали Владимиру Ильичу.

— Что это? Пропуск? Зачем? — спросил Владимир Ильич.

— Необходимо. На всякий случай... Уже создана охрана Смольного. Прошу взглянуть...

Владимир Ильич выглянул в дверь и увидел отряд, стоявший в безукоризненном военном строю.

— Какие молодцы! Приятно смотреть! — восхищённо сказал он.

Часовые стали у входной двери снаружи и внутри комнаты. Начальник сейчас же установил связь с центральным отрядом.

Народ всё прибывал и прибывал.

...Владимир Ильич был очень взволнован тем, что осада Зимнего дворца, в котором засели юнкера, охраняющие Временное правительство, затягивается.

Гвардейскому Павловскому полку, присоединившемуся к революционным войскам, был отдан приказ занять улицы, прилегающие к Зимнему.

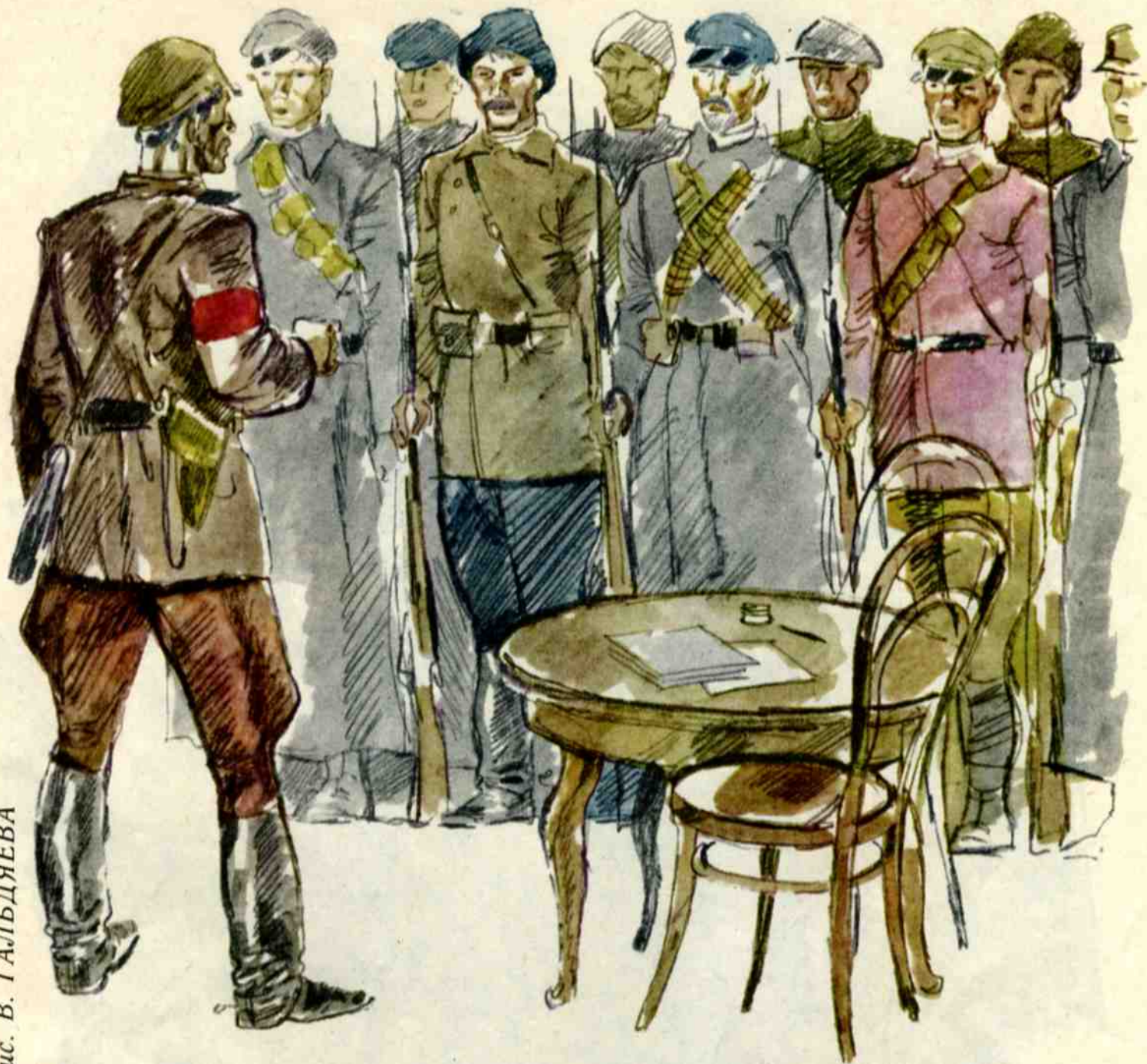
Полк залёг около самого дворца.

Подошли матросы. Они сразу же, не останавливаясь, быстрыми перебежками пересекли Дворцовую площадь и заняли подступы к Зимнему. Начался штурм. Он продолжался несколько часов.

Увлекая за собой солдат Павловского полка и красногвардейцев, матросы сильным ударом раскрыли огромные двери дворца и ворвались во внутренние помещения.

На Неве пришвартовался крейсер «Аврора». Ему дано было распоряжение повернуть орудия на дворец. Такое же приказание получила и Петропавловская крепость.

Пушки «Авроры» и Петропавловской крепости возвестили о начале штурма.

Красногвардейцы, матросы и солдаты заняли главнейшие пункты Зимнего — лестницы, ходы и выходы. В эту ночь, с 25 на 26 октября, Зимний дворец был взят революционными войсками. Временное правительство было арестовано и отправлено под караулом в Петропавловскую крепость. Керенский, переодевшись в женское платье, тайным ходом вышел из Зимнего дворца и бежал в автомобиле американского посольства.

Скорым военным шагом по коридору торопится солдат-самокатчик, одетый в чёрную кожаную куртку и такие же шаровары. Через плечо у него дорожная сумка, которую он придерживает левой рукой.

— Где штаб Военно-революционного комитета? — обращается он к двум красногвардейцам, стоящим на часах у дверей.

— А тебе кого?

— Ленина! Донесение!

Часовой оборачивается и говорит товарищу:

— Так что требуется разводящий... Прибыл курьер. Без пропуска... В штаб... Требуется Ленина...

Вышел разводящий. Спросил, откуда и от кого курьер.

— Из Зимнего дворца... От главнокомандующего Подвойского.

— Идём...

— Донесение! — говорит самокатчик, входя в дверь соседней комнаты. — Требуется Ленин.

Владимир Ильич подходит...

— Что скажете, товарищ?

— Вы и есть Ленин?

Самокатчик с любопытством смотрит на Ленина: глаза его радостно поблёскивают. Он быстро отстёгивает клапан у сумки, достаёт листок бумаги, бережно подаёт его Владимиру Ильичу, берёт под козырёк и кратко рапортует:

— Донесение!

— Благодарю, товарищ, — говорит Владимир Ильич и протягивает ему руку.

Тот смущён и жмёт руку Владимира Ильича обеими руками. Улыбается, снова берёт под козырёк, резко, по-военному поворачивается кругом и бодрым шагом уходит.

На ходу он кладёт в сумку листок бумаги, на котором расписался Владимир Ильич.

«Зимний дворец взят, Временное правительство арестовано, Керенский бежал!» — вслух быстро читает Владимир Ильич донесение.

И только дочитал, как раздалось «ура!», мощно подхваченное красногвардейцами в соседней комнате.

— Ура! — неслось повсюду.

Часа в четыре ночи мы, утомлённые, но возбуждённые, стали расходиться из Смольного. Я предложил Владимиру Ильичу поехать ко мне ночевать. Заранее позвонив в Рождественский район, я поручил боевой дружине проверить разведкой улицы.

Мы вышли из Смольного. Город был не освещён. Мы сели в автомобиль и поехали ко мне домой.

Владимир Ильич, видимо, очень устал и подрёмывал в автомобиле. Поужинали кое-чем. Я постарался предоставить всё для отдыха Владимира Ильича. Еле удалось уговорить его занять мою кровать в отдельной небольшой комнате, где к его услугам были письменный стол, бумага, чернила и библиотека. Владимир Ильич согласился, и мы разошлись.

Я лёг в соседней комнате на диване и решил заснуть только тогда, когда вполне удостоверюсь, что Владимир Ильич уже спит.

Для большей безопасности я запер входные двери на все цепочки, крючки и замки, привёл в боевую готовность револьверы, думая, что ведь могут вломиться, арестовать, убить Владимира Ильича, — всего можно ожидать!

На всякий случай тотчас же записал на отдельную бумажку все известные мне телефоны товарищей, Смольного, районных рабочих комитетов и профсоюзов. «Чтобы впопыхах не перезабыть», — подумал я.

Владимир Ильич у себя в комнате погасил уже электричество. Прислушиваюсь: спит ли? Ничего не слышно. Начинаю дремать, и, когда вот-вот должен был заснуть, вдруг блеснул свет у Владимира Ильича.

Я насторожился. Слышу, как почти бесшумно встал он с кровати, тихонько приоткрыл дверь ко мне и, убедившись, что я «сплю», тихими шагами, на цыпочках, чтобы никого не разбудить, подошёл к письменному столу. Сел за стол, открыл чернильницу и углубился в работу, разложив какие-то бумаги. Всё это мне видно было в приоткрытую дверь.

Владимир Ильич писал, перечёркивал, читал, делал выписки, опять писал и, наконец, видимо, стал переписывать начисто.

Уже светало, стало сереть позднее петроградское осеннее утро, когда Владимир Ильич потушил огонь, лёг в постель и заснул. Забылся и я.

Утром я просил всех домашних соблюдать тишину, объяснив, что Владимир Ильич работал всю ночь и, несомненно, крайне утомлён.

Вдруг открылась дверь, и он вышел из комнаты, одетый, энергичный, свежий, бодрый, радостный, шуточный.

— С первым днём социалистической революции! — поздравил он всех.

На его лице не было заметно никакой усталости, как будто он великолепно выспался, а на самом деле спал самое большее два-три часа после напряжённого двадцатичасового трудового дня.

Подошли товарищи. Когда собрались все пить чай и вышла Надежда Константиновна, ночевавшая у нас, Владимир Ильич вынул из кармана переписанные листки и прочёл нам свой знаме-

нитый Декрет о земле, над которым он работал в эти решающие дни.

Вскоре мы двинулись в Смольный пешком, а потом сели в трамвай. Владимир Ильич сиял, видя образцовый порядок на улицах.

Вечером, на Втором Всероссийском съезде Советов, после принятия Декрета о мире Владимир Ильич с особой чёткостью вслух прочёл Декрет о земле, с восторгом, единогласно принятый съездом.

О МАРШАКЕ

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Как-то я жил в доме отдыха, куда детей не пускали. И вдруг туда приехал Маршак. И откуда ни возьмись к дому хозяйскими шагами двинулись дети. Входят в комнату, где остановился поэт. Вид у них такой, будто Самуил Яковлевич — их собственность. Я не стал мешать и вышел. А жаль! Во что Маршак играл с детьми? О чём с ними говорил? Заметил только, что старый поэт смотрит на малышей как на равных, с огромным уважением.

Что только не превращалось под его пером в звонкую, радостную игру! И «Детки в клетке», где звери весело заговорили с нами:

Эй, не стойте слишком близко!

Я — тигрёнок, а не киска.

А вот Рассеянный сидит в отцепленном вагоне и всё время спрашивает: «Это что за остановка?» Вот Мистер Твистер, которого отучили-таки с презрением относиться к своим же чернокожим землякам. Страницы книг Маршака могли стать одна — зелёной, и тогда на ней царил вечное лето, другая — жёлтой, и по ней, как по пустыне, шли верблюды, третья — синей, и на ней дельфины мелькали, как тени, четвёртая — праздничной, красной: на ней — праздник Великого Октября. Каждую букву в азбуке, каждую цифру Маршак оживил, сделал героем своих весёлых и таких умных стихов.

А какое наслаждение не просто смотреть его пьесы, а самому играть в них! Как смешон важный Козёл в «Теремтеремке» и как похож на кого-то из вас

Петрушка-иностранец, чьи учебники оказались у свиньи. Я сам уже немолодым человеком играл роль Профессора в «Двенадцати месяцах» и очень огорчился, когда меня не слушалась капризная девятилетняя Королева.

Писать стихи Маршак начал ещё в вашем возрасте в городке Острогжске. А когда его семья переехала в Петербург, стихами маленького гимназиста заинтересовались Горький и Шаяпин. Сегодня мы отмечаем столетие со дня рождения Маршака. Его друг, старый критик Стасов видел Пушкина, а ваши родители могли видеть Маршака, и, во всяком случае, они первыми читали новые стихи поэта, которые он писал именно для них.

Как-то я смотрел любительские киносъёмки. Маршак ждёт кого-то на скамейке. Ещё несколько кадров, и рядом с ним уже сидят двое ребят, ещё кадр — их пятеро, а потом они уже не помещаются на скамейке, чуть ли не висят на плечах у поэта. Ну ладно, это наши дети, они знают, кто такой Маршак. А вот старый джентльмен идёт из лондонского отеля на прогулку. Откуда рядом

с ним взялась эта девочка? А этого английского мальчика каким магнитом сюда притянуло?

А вот Шотландия, страна Роберта Бернса. Маршак так перевёл его стихи, что Твардовский мог сказать про эти переводы: «Он сделал Бернса русским, оставив его шотландцем». Друг Маршака Эмрис Хьюз ведёт его к ферме Бернса. Рядом с Маршаком тут же возникает шотландский мальчик, берёт его за руку. Дети всех народов нашей страны и всего мира понимали, как любит их Маршак. А он переводил для вас их потешки и считалки.

Маршак любил загадывать загадки. Вот одна из последних:

В снежном поле по дороге
Мчится конь мой одноногий
И на много-много лет
Оставляет чёрный след.

Это — перо Маршака, написавшее такие стихи, которые будут жить, пока на свете есть дети.

Валентин БЕРЕСТОВ

С. МАРШАК

ПИОНЕРАМ - ВОЖАТЫМ ОКТАБРЯТ

Лет бы сбросить мне, ребята,
Шестьдесят,
Я бы тоже стал вожатым
Октябрят.

Это дело интересней
Всяких дел.
На досуге я бы песни
С ними пел.

Мёл бы с ними коридоры,
Школьный зал,
И паркет, как полотёры,
Натирал.

С октябрятами ходил бы
Я в поход.

Рис. М. ПАНТЕЛЕЕВА

Вместе с ними я водил бы
Хоровод.

Каждый день читал им книжки
И журнал,
А подчас и в кошки-мышки
Поиграл.

Я бы песни и заметки
В меру сил
Для весёлой стенгазетки
Сочинил.

А когда порою вешней
Ждут скворцов,
Мы бы строили скворешни
Для птенцов.

Но боюсь, что трудно сбросить
Столько лет,
Смыть с волос густую проседь
Средства нет.

Я пишу стихи ребятам,
Но навряд
Суждено мне стать вожатым
Октябрят!

ДВА КОТА

Жили-были два кота —
Восемь лапок, два хвоста.

Подрались
Между собой
Серые коты.
Поднялись
У них трубой
Серые хвосты.

Бились днём и ночью.
Прочь летели клочья,

И остались от котов
Только кончики хвостов.

СЧИТАЛКА

Вышли мыши как-то раз
Поглядеть, который час.

Раз,
Два,
Три,
Четыре.

Мыши дёрнули за гири.
Вдруг раздался страшный звон.
Убежали мышки вон!

ДВА ДРОЗДА

Видишь, смотрят из гнезда
Два молоденьких дрозда.
Клюв покажет первый дрозд,
А второй покажет хвост.

Стала курица считать
Маленьких цыпляток:
Белых пять
И рыжих пять,
А всего десяток!

ЛОДЫРИ И КОТ

Собирались лодыри
На урок,
А попали лодыри
На каток.

Толстый ранец с книжками
На спине,
А коньки под мышками
На ремне.

Видят, видят лодыри:
Из ворот
Хмурый и ободранный
Кот идёт.

Спрашивают лодыри
У него:
— Ты чего нахмурился,
Отчего?

Замяукал жалобно
Серый кот:
— Мне, коту усатому,
Скоро год.

И красив я, лодыри,
И умён,
А письму и грамоте
Не учён.

Школа не построена
Для котят.
Научить нас грамоте
Не хотят.

А теперь без грамоты
Пропадёшь,
Далеко без грамоты
Не уйдёшь.

Не попить без грамоты,
Не поесть,
На воротах номера
Не прочесть!

Отвечают лодыри:
— Милый кот,
Нам пойдёт двенадцатый
Скоро год.

Учат нас и грамоте
И письму,
И не могут выучить
Ничему.

Нам учиться, лодырям,
Что-то лень.
На коньках катаемся
Целый день.

Мы не пишем грифелем
На доске,
А коньками пишем мы
На катке!

Отвечает лодырям
Серый кот:
— Мне, коту усатому,
Скоро год.

Много знал я лодырей
Вроде вас,
А с такими встретился
В первый раз!

АНГЛИЙСКИЕ ПЕСЕНКИ

МЭРИ

У маленькой Мэри
Большая потеря:
Пропал её правый башмак.
В одном она скачет
И жалобно плачет —
Нельзя без другого никак!

Но, милая Мэри,
Не плачь о потере.
Ботинок для правой ноги
Сошьём тебе новый
Иль купим готовый,
Да только смотри — береги!

ТРИ ЗВЕРОЛОВА

Три смелых зверолова
Охотились в лесах.
Над ними полный месяц
Сиял на небесах.

— Смотрите, это — месяц! —
Зевнув, сказал один.
Другой сказал: — Тарелка! —
А третий крикнул: — Блин!

Три смелых зверолова
Бродили целый день,
А вечером навстречу
К ним выбежал олень.

Один сказал: — Ни слова,
В кустарнике олень! —
Другой сказал: — Корова! —
А третий крикнул: — Пень!

Три смелых зверолова
Сидели под кустом,
А кто-то на берёзе
Помахивал хвостом.

Один воскликнул: — Белка! —
Стреляй, чего глядишь! —
Другой сказал: — Собака! —
А третий крикнул: — Мышь!

Три смелых зверолова
Барахтались в реке.
Испуганная утка
Забилась в тростнике.

Один воскликнул: — Утка! —
Другой сказал: — Змея! —
А третий засмеялся
И крикнул: — Это я!

«РЕВОЛЮЦИЯ — ЭТО Я!»

А. КАРДАНОВ

Надолго запомнился Дашутке этот день — 25 мая 1919 года. Проснулась она раньше обычного. На кровати за ситцевой занавеской вздыхала во сне бабушка. Старший брат Костя в пиджаке поверх праздничной рубахи подошёл к Дашутке, щёлкнул её по носу:

— Смотри, малая, не подкачай! — И ушёл, осторожно притворив дверь.

В этот день на Красной площади назначен был парад отрядов военного обучения. Время было тревожное. Шла гражданская война. Белые то отступали, то вновь набирали силу. Но рабочие верили: революции белым не одолеть. И после смены шли по призыву Ленина обучаться военному делу.

Только отшумел первомайский праздник. А тут ещё один — День Всеобщего военного обучения. И вот ведь какая удача — им обоим, Косте и Дашутке, выпало участвовать в празднике. Костя со своим отрядом пройдёт по площади в парадном строю, а Дашутка с ребятами из клуба юных коммунаров проедет на грузовике. Да не просто так, а с представлением. Петька нарядится индусом, Оля — турчанкой, Лёнька Цыганок — негрятёнком. Другие ребята тоже нарядятся: кто рабочим, кто крестьянином, а кто красноармейцем. Самая же главная роль была отведена ей, Дашутке. Она должна изображать Революцию — стоять в центре группы в красной короне со знаменем в руках.

Когда Дашутка пришла в клуб, грузовик уже ждал во дворе. Ребята, смеясь, окружили маленького курчавого

Лёньку. Его лицо и руки были густо вымазаны сажей, белели только зубы. Ну и Лёнька, настоящий негрятёнок! Дашутке тут же вручили знамя. На алом полотнище белой краской выведены были слова: «Угнетённые народы, рвите цепи рабства!»

Было уже за полдень, когда машина с юными коммунарами въехала на Красную площадь. Парад уже кончился, но площадь была по-прежнему забита людьми. Она звенела песнями и гремела медью оркестров. Особенно много народа толпилось возле грузовика, превращённого в трибуну. Незнакомый человек в кожаной куртке говорил что-то на ломаном русском языке. Рядом стояли ещё какие-то люди.

— Смотрите, Ильич! — крикнул Петька-индус. — Вон сидит на краю трибуны! Айда, ребята, к нему!

Машина остановилась. Несколько человек, в том числе Петька, Лёнька Цыганок и «турчанка» Оля, спрыгнули на землю и стали сквозь толпу пробираться к трибуне. Дашутка тоже хотела пойти, но ей не разрешили, сказали: «Ты — Революция, должна оставаться здесь, со знаменем».

Дашутка видела, как маленькая делегация протиснулась к грузовику, как Ленин спустился навстречу ребятам, как они окружили его и долго о чём-то с ним говорили. «Лучше бы я была турчанкой, — думала Дашутка, глотая слёзы, — или китайкой, или ещё кем-нибудь». Но тут она увидела, как Ильич в сопровождении ребят двинулся к их машине. И услышала его голос:

— Так кто у вас здесь Революция? Уж не та ли девочка со знаменем?

— Та, та, — звонко закричала Дашутка. — Революция — это я! — И она взмахнула алым полотнищем со словами «Угнетённые народы, рвите цепи рабства!».

Ленин быстрым шагом подошёл к Дашутке и крепко пожал ей руку.

А над Красной площадью всё так же гремела музыка, и людям не хотелось расходиться.

ШТУРМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

В октябре 1917 года в Петрограде началось вооружённое восстание.

К штабу революции — Смольному — стекались тысячи красногвардейцев, моряков, солдат. Отсюда отряды уходили выполнять боевые задания.

Весь революционный Петроград вышел на улицы. К утру 25 октября (7 ноября по нашему календарю) восставшие заняли мосты через Неву, важные правительственные учреждения. Но в Зимнем дворце ещё заседало Временное правительство. Оно уже отрезано от всего мира, но, пока оно существует, победа не может считаться полной.

Владимир Ильич Ленин отдал приказ взять дворец штурмом. Сигналом к штурму был пушечный выстрел крейсера «Аврора».

Революционные войска смяли защитников Временного правительства. Ворвались во дворец и арестовали министров-капиталистов.

Народ победил! Совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция!

«Власть Советам! Мир народам! Земля крестьянам!» — провозгласило первое в мире правительство рабочих и крестьян — Советское правительство, которое возглавил Ленин.

Рис. В. ЛОСИНА

СИНИЕ ЛИСТЬЯ

Рис. Н. РОДИОНОВА

— Ну что ж, спроси ещё брата,— говорит Лена.

Приходит Катя на другой день.

— Ну что, позволил брат? — спрашивает Лена.

— Брат-то позволил, да я боюсь, сломаешь ты карандаш.

— Я осторожненько,— говорит Лена.

— Смотри,— говорит Катя,— не чини, не нажимай крепко и в рот не бери. Да не рисуй много.

У Кати было два зелёных карандаша. У Лены ни одного. Вот и просит Лена Катю:

— Дай мне зелёный карандаш!

А Катя и говорит:

— Спрошу у мамы.

Приходят на другой день обе девочки в школу. Спрашивает Лена:

— Позволила мама?

А Катя вздохнула и говорит:

— Мама-то позволила, а брата я не спросила.

— Мне,— говорит Лена,— только листочки на деревьях нарисовать надо да травку зелёную.

— Это много,— говорит Катя, а сама брови хмурит. И лицо недовольное сделала.

Посмотрела на неё Лена и отошла. Не взяла карандаш. Удивилась Катя, побежала за ней.

— Ну что ж ты? Бери!

— Не надо,— отвечает Лена.

На уроке учитель спрашивает:

— Отчего у тебя, Леночка, листья на деревьях синие?

— Карандаша зелёного нет.

— А почему же ты у своей подружки не взяла?

Молчит Лена. А Катя покраснела и говорит:

— Я ей давала, а она не берёт.

Посмотрел учитель на обеих:

— Надо так давать, чтобы можно было взять.

КТО ХОЗЯИН?

Большую чёрную собаку звали Жук. Два мальчика, Коля и Ваня, подобрали Жука на улице. У него была перебита нога. Коля и Ваня вместе ухаживали за ним, и, когда Жук выздоровел, каждому из мальчиков захотелось стать его единственным хозяином. Но кто хозяин Жука, они не могли решить, поэтому спор их всегда кончался ссорой.

Однажды они шли лесом. Жук бежал впереди. Мальчики горячо спорили.

— Собака моя,— говорил Коля,— я первый увидел Жука и подобрал его!

— Нет, моя,— сердился Ваня,— я перевязывал ей лапу и таскал для неё вкусные кусочки!

Никто не хотел уступить. Мальчики сильно поссорились.

— Моя! Моя! — кричали оба.

Вдруг из двора лесника выскочили две огромные овчарки. Они бросились на Жука и повалили его на землю. Ваня поспешно вскарабкался на дерево и крикнул товарищу:

— Спасайся!

Но Коля схватил палку и бросился на помощь Жуку. На шум прибежал лесник и отогнал своих овчарок.

— Чья собака? — сердито закричал он.

— Моя,— сказал Коля.

Ваня молчал.

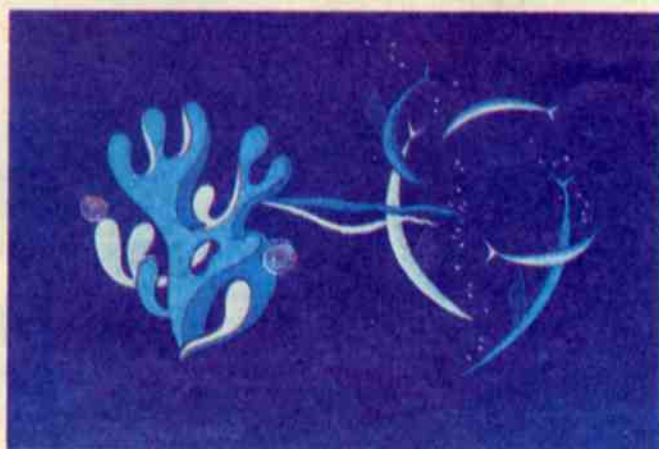

НАШИ
ЛЮБИМЫЕ
ХУДОЖНИКИ

Борису Павловичу
КЫШТЫМОВУ—
60 лет.

*Редакция и
редколлегия
«Мурзилки»
поздравляют
художника
с юбилеем.*

*Здесь вы видите обложки
и картинки из книг,
созданные художником
Б. Кыштымывым.*

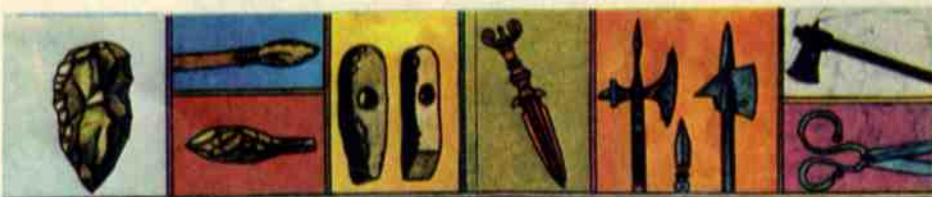

Г. Цыферов,
«Что у нас во дворе».

Г. Цыферов,
«Серьёзные рассказы
плюшевого Мишки».

Б. Зубков,
«Что подсказала
летучая мышь».

Ухо у тигра острым зубом зацепило! У
слона огромные бивни. Он, какой? У медве-
ды — мощные лапы. А у человека нет таких
зубов, бивней и лап. И потому человек
был бы и тигра, и медведя, и слона. Но по-
думай человек: «А не сделать ли мне че-
то-то такое, как у медведя, такое бивни,
как у слона, такие зубы, как у тигра?»
На летучую мышь человек сделал че-
то-то такое. Привыкает он к пальце — острую
точку, жало!

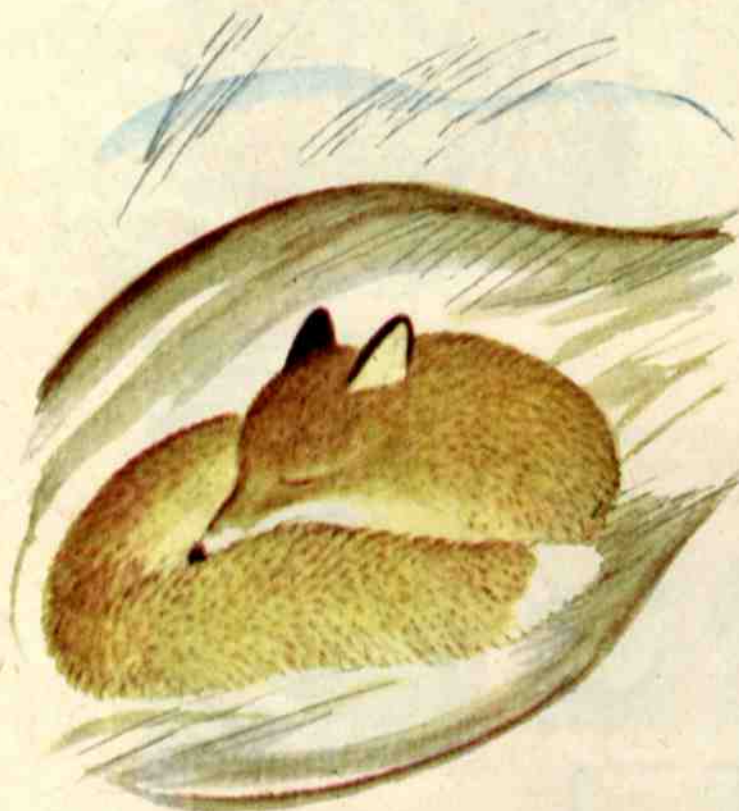

ЛЕСНЫЕ СПАЛЕНКИ

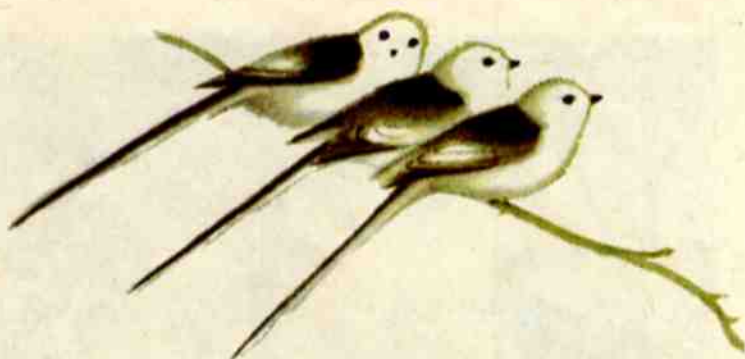
Н. СЛАДКОВ

Летом каждый кустик ночевать пустит. А зимой? Зимой все кусты под снегом, все деревья в снегу — негде голову приклонить. А ухоронку надёжную на ночь не найдёшь — к утру околеченешь.

Хитрая лисица на ночь в нору спряталась, подковкой свернулась, голый нос пушистым хвостом накрыла, чтобы не отморозить. Спит да слушает, как снаружи мороз трещит.

Длиннохвостые ополовнички на ночь тесным рядком уселись, друг к дружке прижались. Хоть и в тесноте, да не в обиде!

Белка-прыгунья в моховом гнездышке спит. Сплела на ёлке шар из сучков и веток, внутри мягким мхом выстлала. На ночь в него залезет, вход изнутри заткнёт — спит до утра без забот.

А летучая белка-летяга в дупло спряталась, с головой в подстилку лыковую зарылась, спит да на голые пальчики дышит. Тепло у неё в дупле.

Синичка-пухляк на ночлег в густой можжевельниковый куст забила: мороз в кусту хоть чуточку, да послабей, ве-

тер хоть чуточку, да потише. До утра можно перетерпеть.

Медведь, известно, в берлоге спит. Снегом его засыпало, как одеялом укрыло, сугробы намело, как подушками обложило. Спит да посапывает: сны, наверное, летние видит, про мёд и малинку...

Бобр на зиму целую хату из брёвен построил. Крышу землёй завалил, стены илом обмазал. Надышал внутри — парок над хаткой шевелится. У него даже мыши по углам завелись, по ночам скребутся. Живёт бобр — не тужит.

А косач-тетерев на ночь... в снег зарылся! Под снегом-то, оказывается, теплей. И ветер не задувает. И никто не увидит.

Синичка-белощёчка облюбовала пустой скворечник. Жаль, что всего один оказался! Не поленись ребята, на всех бы ночлежек в лесу хватило, не было бы зимой бездомных. Все бы счастливо до весны дожили.

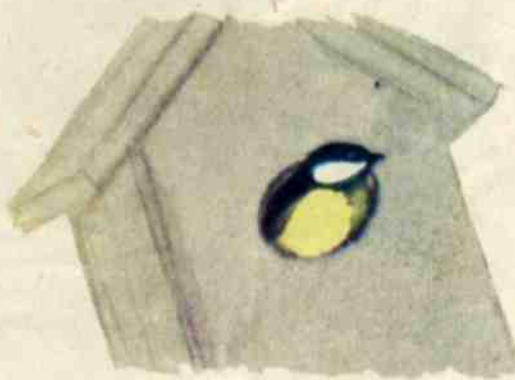

Рис. П. Е. ГИНА

Спит зимний лес. Спят в лесу птицы и звери. Кто где.

Туве ЯНССОН

ОПАСНОЕ ЛЕТО

Продолжение

Сторож со сторожихой жили, само собой разумеется, в парке. Они подрезали и подстригали деревья, придавая им форму шара или куба. Дорожки в парке были прямые, как стрелы. Не успевала травка подрасти, как её тут же подстригали, и ей снова приходилось, напрягая все силы, тянуться вверх.

Лужайки с подстриженной травой были обнесены высоким палисадом, и повсюду можно было прочесть надписи, сделанные большими чёрными буквами, — запрещается то-то и то-то.

В этот ужасный парк каждый день приходили двадцать четыре крошечные малютки, которых либо забыли по той или иной причине, либо они сами потерялись. Это были мохнатые лесные малютки. Они ненавидели и этот парк, и песочницу, в которой их заставляли играть. Они хотели лазать по деревьям, стоять на голове, бегать по траве...

Но этого не понимали ни Сторож, ни Сторожиха, которые сидели рядом и караулили их.

Что оставалось делать малышам? Охотнее всего они закопали бы Сторожа и Сторожиху в песок, но были слишком малы, чтобы справиться с ними.

И вот теперь в этот самый парк пришёл Снусмумрик с малышкой Мю в кармане. Он крался вдоль забора, поглядывая на своего заклятого врага Сторожа.

— Как ты собираешься с ним поступить? — спросила малышка Мю.

— Напугать его, — ответил Снусмумрик и ещё крепче закусил трубку. — На свете есть лишь одно-единственное существо, которое я по-настоящему ненавижу: Сторож в этом парке. Я хочу сорвать все его таблички с надписями о том, что запрещено!

Снусмумрик принялся рыться в рюкзаке и вытащил оттуда большой мешок, полный маленьких блестящих белых семян.

— Что это? — спросила Мю.

— Семена хатифиаттов, — ответил Снусмумрик.

— Ну и ну! — удивилась Мю. — Раз-

ве хатифиатты появляются на свет из семян?

— Конечно, — сказал Снусмумрик. — Но всё дело в том, что сеять эти семена нужно вечером в день летнего солнцестояния.

Сквозь рейки ограды он начал осторожно бросать семена хатифиаттов на лужайки. Опустошив мешочек, Снусмумрик сел на землю и стал ждать.

Солнце клонилось к закату, но оно по-прежнему грело, и хатифиатты начали прорастать.

То тут, то там на аккуратно подстриженных лужайках начали высовываться круглые белые головки, напоминавшие белоснежные шампиньоны.

— Посмотри вон на того, — сказал Снусмумрик, — скоро у него прорежутся глазки!

И верно, через минуту на белой голове показались два шарообразных глаза.

— Когда они рождаются, они особенно сильно заряжены электричеством, — объяснил Снусмумрик. — Смотри, теперь у них появляются лапки.

Было слышно, как растут хатифиатты. Но Сторож ничего не замечал, он не слышал шороха, так как не спускал глаз с малышкой. А кругом на лужайках сотнями пробивались хатифиатты. Только ножки оставались у них в земле. В парке запахло серой и жжёной резиной. Сторожиха принялась.

— Чем это запахло? — спросила Сторожиха.

И тут по земле побежали слабые электрические разряды.

Сторож забеспокоился, стал переминаясь с ноги на ногу. Его металлические пуговицы начали потрескивать.

Внезапно Сторожиха вскрикнула и вскочила на скамейку. Дрожащей рукой показала она на лужайки.

Хатифиатты уже выросли до своих нормальных размеров и теперь сплошной стеной надвигались на Сторожа со всех сторон. Их притягивали наэлектризованные пуговицы его мундира. В воздухе парили микромолнии, и пугови-

цы на мундире Сторожа всё чаще и чаще потрескивали. Вдруг у Сторожа засветились уши, заискрились волосы, потом морда! Миг — и весь Сторож засветился.словно сверкающее солнце, он покотился к воротам парка, преследуемый целой армией хатифиаттов.

А Сторожиха уже перелезала через забор. Только малыши, очень удивлённые, по-прежнему сидели в песочнице.

— Здорово! — восхищённо сказала маленькая Мю.

И СВИСТЕТЬ! А вслед за ней отправилась табличка ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПРЫГАТЬ!

Лесные малыши тарасили на него глаза, всё больше и больше удивляясь.

Мало-помалу они поверили, что он пришёл спасти их. Они выскочили из песочницы и обступили его.

— Ступайте домой, малыши! — объявил Снусмумрик. — Ступайте куда хотите!

Рис. В. КАНЕВСКОГО

— Точно! — ответил Снусмумрик и сдвинул шляпу на затылок. — А теперь мы сорвём все таблички, и пусть каждая травка растёт как ей заблагорассудится!

Всю свою жизнь Снусмумрик мечтал сорвать таблички, запрещавшие всё, что ему нравилось, и теперь дрожал от нетерпения. Наконец-то! Он начал с таблички ЗАПРЕЩАЕТСЯ СИДЕТЬ НА ТРАВЕ! Потом полетела в сторону табличка ЗАПРЕЩАЕТСЯ СМЕЯТЬСЯ

Но они не расходились, а шли за ним по пятам. И даже когда была сорвана последняя табличка и Снусмумрик поднял свой рюкзак, чтобы отправиться в путь, они по-прежнему не отставали от него.

— Хватит, детки! — сказал Снусмумрик. — Ступайте все домой, к мамам!

— А вдруг у них нет мам? — предположила малышка Мю.

— Но я ведь не привык возиться с

малявками,— испуганно сказал Снусмумрик.— Я даже не знаю, нравятся ли они мне!

— Зато ты нравишься им,— сказала Мю и улыбнулась.

Снусмумрик взглянул на притихшую стайку восхищённых малышей, пристроившихся у его ног.

— Можно подумать, что мне мало тебя одной,— сказал он.— Ну ладно, ничего не поделаешь. Пошли! Начнётся теперь канитель!

Его одолевали мрачные мысли о том, что же он станет делать, когда они проголодаются, или промочат ножки, или у них заболят животики.

Седьмая глава

ОБ ОПАСНОСТЯХ, КОТОРЫЕ ГРОЗЯТ В НОЧЬ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

День летнего солнцестояния был на исходе. В половине одиннадцатого вечера Снусмумрик кончил строить шалаш из еловых веток для своих двадцати четырёх малышей. В то же самое время на другом конце леса Мумитроль и фрёкен Снорк замерли на месте, прислушиваясь.

Колокольчик, звеневший в тумане, умолк. Лес спал, а маленький домик печально смотрел на них своими чёрными окошками.

В домике сидела Филифьонка и слушала, как тикали часы, время шло. Иногда она подходила к окну и вглядывалась в светлую ночь, и тогда колокольчик, украшавший кончик её колпачка, позвякивал. Обычно звон колокольчика подбадривал Филифьонку, но нынешним вечером он только усиливал её тоску. Она тяжело вздыхала, ходила взад и вперёд, садилась и снова вставала. Ей было до слёз обидно, что никто не поздравил её с праздником летнего солнцестояния.

И вот кто-то постучал в дверь.

Филифьонка встрепенулась, вытерла слёзы и открыла дверь.

— С праздником, с Ивановым днём! — сказала фрёкен Снорк.

— Спасибо,— смущённо ответила Филифьонка.— Спасибо, вы очень лю-

безны. Доброго и вам праздника!

— Давайте отметим его вместе. И отметим его на славу! — воскликнула фрёкен Снорк.

— Разожжём костёр в честь праздника,— предложил Мумитроль.

Они побрели через примолкший лес и вышли на заливные луга, где белая ночь была ещё светлее.

— Как странно пахнут нынче ночью цветы! — сказала Филифьонка.

Едва ощутимый запах горелой резины тянулся над лугами. Наэлектризованная трава потрескивала.

— Пахнет хатифиаттами,— удивлённо сказал Мумитроль.— Но обычно в это время года они уплывают под парусами в морское путешествие. Правда?

Тут фрёкен Снорк обо что-то споткнулась.

— ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПРЫГАТЬ! — прочитала она.

— Какая ерунда! Смотрите, здесь полно табличек, до которых больше никому нет дела.

— Как удивительно, что всё разрешается! — воскликнула Филифьонка.— Ну и ночь! А не сжечь ли нам эти таблички. Не устроить ли из них праздничный костёр и не поплясать ли вокруг него, пока всё не сгорит?

И летний костёр запылал! Огонь с рёвом набрасывался на таблички.

Муми-тролль и фрёкен Снорк сидели рядом, любуясь костром.

— Как ты думаешь, что делает в эту минуту моя мама? — спросил Муми-тролль.

— Конечно, празднует, — ответила фрёкен Снорк.

Таблички горели, и к небу взлетали фейерверки искр, а Филифьонка кричала:

— Ура!

— Я скоро усну, — признался Муми-тролль... — Значит, нужно собрать девять разных цветочков?

— Девять, — подтвердила фрёкен Снорк. — И поклянись, что не произнесёшь ни слова.

Муми-тролль торжественно кивнул головой и зашлёпал по мокрой от росы траве.

И вот в тот самый миг, когда Муми-

тролль срывал свой девятый цветок, он услышал отчаянный крик. Бросившись бежать, он увидел огромного Хемуля, который одной лапой тряс фрёкен Снорк, а другой — Филифьонку. То был злой и ужасно уродливый Хемуль в полицейской фуражке.

— Ну теперь вы все трое угодите в

кутузку! — кричал Хемуль. — Поджигатели! Морровы дети! Попробуйте только сказать, что это не вы сорвали все таблички и сожгли их. Попробуйте, если посмеете!

Но этого они, разумеется, не могли сделать. Ведь они поклялись не произносить ни слова!

Глава восьмая О ТОМ, КАК ПИШУТ ПЬЕСУ

Страшно подумать, что было бы, если бы Муми-мама, проснувшись в день летнего солнцестояния, узнала, что Муми-тролль сидит в тюрьме! Или если бы кто-нибудь рассказал Мюмле, что её младшая сестрёнка, обмотавшись ангорской шерстью, спит в шалаше из еловых веток, который соорудил Снусмумрик!

Ничего этого они не знали, им оставалось только надеяться на лучшее.

— Малышка Мю привыкла сама заботиться о себе. Я больше беспокоюсь о том, кто ненароком окажется рядом с ней, — сказала Мюмла.

Муми-мама выглянула из окна. Шёл дождь.

«Только бы они не простудились», — подумала она и осторожно уселась на кровати. Она была вынуждена проявлять осторожность. После того как они сели на мель, пол перекошило, и Муми-папе пришлось прибить мебель к полу гвоздями. Хуже всего приходилось им во время еды, потому что тарелки то и дело скатывались на пол, а когда папа пытался крепко прибить их гвоздями, они раскалывались.

Эмма, как обычно, подметала пол.

Она с трудом карабкалась наверх, подталкивая перед собой мусор. На полу мусор снова скатывался вниз, и

ей приходилось всё начинать сначала.

— Разве не лучше мести в другую сторону? — осторожно предложил Муми-папа.

— Здесь я никому не позволю меня учить! — возмутилась Эмма. — Я-то уж знаю, что и как следует делать в театре! Театр — это не зал и не палуба парохода. Театр — это самое важное в мире, потому что там показывают, какими все должны быть, и какими мечтают быть, и какие они в жизни.

Эмма так много говорила о театре, что обитателям плавучего дома захотелось стать артистами.

— Ты, наверное, мог бы написать пьесу, если Эмма тебе поможет, — обратилась Муми-мама к папе. — Ведь ты написал мемуары. Наверно, не так уж трудно написать пьесу?

— Куда там! Не умею я писать пьесы, — сказал папа и покраснел.

— Конечно, ты сумеешь, дорогой, — стояла на своём мама. — А мы выучим твою пьесу наизусть. Все придут смотреть, как мы играем в театре. Много-много разного народу: их будет всё больше и больше, и они станут рассказывать своим знакомым, как это замечательно. Наконец слух о театре дойдёт до Муми-тролля, и он найдёт дорогу к дому. Муми-тролль, фрёкен Снорк,

малышка Мю вернутся домой, и всё кончится благополучно! — закончила свою речь Муми-мама и захлопала в ладоши от радости.

Все с сомнением посмотрели друг на друга, потом взглянули на Эмму. Та развела лапами.

— Наверное, получится что-то ужасное, — сказала она. — Но если вам так хочется потерпеть фиаско, я не откажусь давать вам советы. Иногда, когда у меня найдётся свободная минутка.

Вечером Муми-папа уже закончил пьесу. И прочитал её всем.

Никто не прерывал его, и, когда он замолчал, воцарилась тишина.

Наконец Эмма сказала:

— Нет, нет и ещё раз нет!

— Неужели так уж плохо? — спросил расстроенный папа.

— Хуже некуда, — ответила Эмма.

Папа обиженно стал собирать свои листки.

— Если вам не нравится моя пьеса, пожалуйста, пишите сами новую, — сказал он.

— Голубчик, — утешала его мама, — мы находим пьесу замечательной. Не правда ли?

— Конечно, — подтвердили все в один голос.

— Вот видишь, она всем нравится, — сказала мама. — Только чуть поправь её, измени содержание и стиль. Я позабочусь, чтобы никто не мешал тебе. И пока ты работаешь, возле тебя будет стоять вазочка с карамельками.

— Ладно! — согласился папа.

*Перевели со шведского
Л. БРАУДЕ и Е. ПАКЛИНА*

Окончание в следующем номере

«МУРЗИЛКА» ГОВОРИТ «СПАСИБО!»

Вот и завершился конкурс «Я живу в стране Советской», посвященный 70-летию Октября. Он продолжался год, и за этот год мы получили тысячи писем и посылок из самых разных уголков страны. Лучшие работы опубликованы в номерах этого года. И пусть эти публикации будут наградой и памятью победителям.

В конкурсе приняли участие не только отдельные ребята, но и целые коллективы. Это младшие классы восьмилетних школ: Чуровской Вологодской обл., Люджанской Сумской обл., средних школ: № 15 г. Красавина, № 112 г. Златоуста, № 1 г. Нязепетровска, школ совхоза «Пролетарский» Новосибирской обл., посёлка Юго-Камский Пермской обл., села Базарные Матаки Татарской АССР, начальной школы Михайло-Вербовской совхоза «Кушумский» и многие другие. Спасибо вам, дорогие друзья, за труд и творчество.

Мы также благодарим изостудии и кружки Ленинградского Дворца пионеров, Холмского Дома пионеров и школьников, Дома пионеров г. Далматова, Дома пионеров посёлка Юргамыш, изостудию Волгоградского научно-методического центра народного творчества.

Мы рады, что и самые маленькие наши читатели прислали свои работы, например первоклассники-шестилетки из детского сада «Искорка» г. Долгопрудного Московской области.

Рассказов на наш конкурс было прислано меньше, чем рисунков, но каждый из них по своему интересен. Ребята тепло рассказывали о родном крае, о стройках и путешествиях, о школьных праздниках, об учителях, родителях, дедушках, бабушках.

Участники конкурса проявили немало фантазии и изобретательности. Октябрята из посёлка Надеево Вологодской области прислали самодельные книжки. Они не только написали рассказы о Родине, но и нарисовали иллюстрации к ним.

Нашими помощниками в конкурсе стали взрослые — учителя, руководители художественных студий, вожатые.

«Мурзилка» говорит большое спасибо всем своим друзьям, маленьким и взрослым, принявшим участие в конкурсе.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ
С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
Т. АНДРОСЕНКО

Редколлегия:
Я. АКИМ,
С. АЛЕКСЕЕВ,
Г. ВИЕРУ,
Н. ЕМЕЛЬЯНОВА,
И. ЗАРАХОВИЧ
(зам. главного редактора),
М. КОРШУНОВ,
В. ЛОСИН,
Г. МАКАВЕЕВА,
В. МАТВЕЕВ,
А. МИТЯЕВ,
К. ОРЛОВА
(ответственный секретарь),
Е. РАЧЕВ,
Н. СТРЕЛЬНИКОВА,
В. ЧИЖИКОВ

Редактор отдела
художественного
оформления
В. ШЛЯНДИН

Технический
редактор
Г. БЕЛОВА

Ордена Трудового
Красного Знамени
издательско-
полиграфическое
объединение ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»

Сдано в набор 11.09.87.
Подписано
в печать 24.09.87.
Формат 84×108^{1/16}.
Печать офсетная.
Условн. печ. л. 3,36.
Усл. кр.-отт. 13,44.
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 500 000 экз.
Цена 15 коп.
Заказ 206.

Адрес редакции
журнала «Мурзилка»:
125015, Москва,
Новодмитровская ул.,
д. 5а
Телефон 285-18-81

Типография ордена
Трудового Красного
Знамени издательско-
полиграфического
объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»,
103030, Москва, К-30,
ГСП-4, Суцёвская, 21.

Макет
Г. ХОЛОДОВСКОГО

Рисунок на обложке
Б. КЫШТЫМОВА

099 37

ПОЧТОВЫЕ МАРКИ СТРАНЫ ОКТАБРЯ

Цена 15 коп.

Они сохранили дорогие при-
меты того легендарного време-
ни, когда всё только рожда-
лось, только начинало свой
путь: первые пионерские от-
ряды, первые смелые перелё-
ты, первые победы в технике.

Индекс 70553